

интересней сокрытый в этом событии смысл. А именно: кузнецкий брак стал возможен благодаря тайному «сговору трех».

21 декабря 1856 г., сообщая Врангелю о браке как о деле решенном, Достоевский пишет: «Она (Мария Дмитриевна. – И.В.) меня любит. Это я знаю наверно. Я знал это и тогда, когда писал вам летом письмо мое. Она скоро разуверилась в своей новой привязанности. Еще летом по письмам ее я знал это». Но если так, то тем самым подтверждается наше предположение, что просьбы о содействии Вергунову, изложенные как раз в том самом летнем письме, были, так сказать, средством двойного назначения: призванным, с одной стороны, помочь тому, о ком пекутся, а с другой – обеспечить моральное превосходство просителя.

Теперь, в декабре, Достоевский вновь возвращается к этому же сюжету: «...Прошу Вас на коленях», – пишет он Врангелю, употребив наивысшую из находящихся в его распоряжении эпистолярных эмоций. Он вновь ходатайствует за соперника, ибо «теперь он мне дороже брата родного». О «дурном сердце» ныне не поминается вовсе. Напротив: «о Вергунове не грешно просить, *он того стоит*». Стоит сам по себе, независимо от поставленной некогда, а ныне неактуальной цели – осчастливить его будущую супругу.

Что же, однако, такого случилось с называемым выше лицом, если оно удостоивается подобных похвал? Достоевский был в Кузнецке в конце ноября. Тогда им и было сделано официальное предложение. И «теперь» Вергунов ему «дороже брата родного».

Нет сомнения: Вергунов *отступился*. И сделал это достаточно благородным образом. Но так или иначе хлопоты за него Достоевского выглядят именно как *отступные*.

«Слишком долго, – замечается о Вергунове, – рассказывать мои отношения к нему»: оговорка многозначительная. Достоевский, впрочем, и не рассказывает. Врангель, на которого возлагаются комиссии относительно Вергунова, не извещается о том, какую роль играл последний при заключении брака. Брату же, с которым автор письма, как правило, откровенен, лишь кратко сообщается, что шаферами были «порядочные довольно люди, простые и добрые».

В «Обыске брачном № 17» кузнецкой Одигитриевской церкви означено, что все показанное здесь о женихе и невесте справедливо, в чем «удостоверяют своей подписью, как они сами, так и по каждому поручитель, с тем, что если что окажется ложным, то подписавшиеся повинны за то по суду по правилам церкви и по законам гражданским». Эта, хотя и рутинная, но не лишенная остротки формула не смогла оградить документ от вкравшихся в него, мягко выражаясь, неточностей. Против пункта 4-го – «Возраст к супружеству имеют совершенный, и именно жених тридцати четырех лет, невеста двадцати девяти лет, и оба находятся в здравом уме» – нечего возразить, кроме, пожалуй, того рассуждения, что невесте, как знаем, все же тридцать два года. Да и жениху – не 34, а 35. К пункту № 6, констатирующему – «как жених, так и невеста родителей не имеют», следовало бы добавить, что у невесты отец, слава богу, жив: он пребывает в Астрахани и худо-бедно поддерживает дочь материально.

Что касается пункта № 7 – «по тоекратному оглашению, сделанному в означенной церкви, препятствий к сему браку никого никем не объявлено», это сущая правда: о *препятствиях* будет объявлено гораздо позднее.

Признание в неверности

Любовь Федоровна заявит на всю Европу: «ночь накануне свадьбы Мария Дмитриевна провела у своего любовника...». Кто мог, однако, быть источником этой *эксклюзивной* информации, кроме самого Достоевского?